

В. П. ЛИТВИНОВ

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО МУСУЛЬМАН РУССКОГО ТУРКЕСТАНА: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

В статье рассматривается фактически неизученная проблема использования турецкой разведкой «святых мест» мусульман Средней Азии для проведения антироссийской пропаганды. Проникновение России в Туркестан вызвало испуг у правящих кругов Османской империи, отреагировавшей на это засылкой своих агентов в Прикаспийский регион. Османская агентура осуществляла подрывную деятельность, как правило, у «святых мест» ислама в Средней Азии, поскольку именно у них собирались значительные массы паломников-мусульман – благодатная аудитория для усвоения идей панисламизма и пантюркизма. Фактически все антирусские бунты в регионе «вырастали» у могил исламских «праведников».

Ключевые слова: Туркестан, «святые места», мусульмане, турецкая агентура, антироссийская пропаганда, военная администрация, панисламизм, пантюркизм

Когда речь заходит о Русском Туркестане, то отпадает необходимость в указании хронологических рамок исследования, поскольку общеизвестно, что регион с таким названием существовал с февраля 1865 г., когда была учреждена Туркестанская область, преобразованная в 1867 г. в одноименное генерал-губернаторство (край) до февраля 1917 г. – времени окончательного падения царизма. Кое-кому из националистически ориентированных историков стран т.н. «Центральной Азии» не нравится термин «Русский Туркестан», так как он напоминает им о каком-то «российском колониализме». При этом у них не вызывают никакого раздражения термины: «Китайский Туркестан» и «Афганский Туркестан», которые широко употреблялись до революции и сегодня тоже нередко вводятся в научный и публицистический оборот.

О Русском Туркестане было написано немало, особенно в досоветские времена. Проблемы края рассматривались всесторонне – в экономическом, политическом, социальном и проч. отношениях. О «святых местах» мусульман региона писали намного меньше, а проблема их использования зарубежными спецслужбами в антироссийских целях, вообще, была предана забвению. Данная статья нацелена на восполнение этого пробела в истории дореволюционной Средней Азии.

Османская империя была наиболее ярким противником на южных рубежах Российской империи. Действительно, история российско-турецких отношений изобиловала разного рода военными конфликтами – от масштабных войн до мелких пограничных стычек. Подрывная деятельность турок особенно обострилась после того, как во второй половине XIX в. Россия начала наступление на Среднюю Азию, присоединив к концу столетия огромные пространства Туркестана.

Об истории русско-турецких отношений существует весьма богатая литература. В одних только учебниках эта проблема рассматривается во многих десятках случаев, но ни один из них не находит эти отношения безоблачными и дружественными. Так, например, видный отечественный историк российской дипломатии, В.М. Хвостов отмечал, что в рассматриваемый период в геополитической структуре Восточного вопроса Порты всегда имела недружественную позицию по отношению к России¹. В постсоветский период научная и учебная литература не вынашивала никаких иллюзий относительно прошлого русско-турецких отношений². И в дореволюционный, и в советский, и в постсоветский период вопрос о подрывной деятельности турецких спецслужб в Русском Туркестане, в среднеазиатских ханствах – Бухарском, Хивинском и Кокандском (до 1876 г.) – рассматривался в исторической литературе, однако как-то «мимоходом», без углубленного исследования проблемы, в основном – через призму распространения идей панисламизма и пантюркизма в мусульманских анклавах царской России³. Понятно, что целостной картины деятельности агентуры Османской империи в Туркестане так и не было создано, тем более, применительно к «святым местам» ислама в регионе. В настоящей статье будет рассмотрен именно этот аспект указанной проблемы, нуждающейся, конечно, в более масштабной и глубокой разработке.

Туркестанская модель религии Пророка издавна именовалась «исламом гробниц». Несмотря на то, что Мухаммед категорически осуждал культ «святых», адепты его вероучения в Средней Азии изначально были привержены паломничеству к «мазарам» – местам захоронения разного рода «праведников». Таких объектов в регионе было великое множество и нам приходилось писать об этом подробно⁴.

«Пионером» агентурного освоения турками Средней Азии можно считать шейха Эфенди-Таура. Султан Мехмет II Фатих (1451–1481), захватив в 1453 г. Константинополь, отправил последнего в места, откуда пришел со своими полчищами хромой «язычник» Тимур, разгромивший в 1402 г. при Анкаре войска тогдашнего турецкого правителя Баязида I Йылдырыма (Молниеносного). Разумеется, Эфенди-Таур тогда еще не вел антироссийской пропаганды, однако, часто и охотно посещая «святые места» ислама в Туркестане, он проповедовал среди паломников идею о том, что турецкий султан – победитель христиан стал «халифом» всех «правоверных» (мусульман) мира. В конце XV в. шейх упокоился в Ташкенте, а его могила была объявлена «святой». Она ни-

¹ Хвостов 2006.

² См. напр.: Османская империя... 1995.

³ Евдокимов 1911; Аршаруни, Габидуллин 1931; Сабитов 1951.

⁴ См.: Литвинов 2006.

когда не была центром многолюдного паломничества, но, тем не менее, одна из 4-х частей города называлась «Шейхантаурской» (другие три: Кукча, Себзор и Беш-Агач)⁵.

Стоит заметить, что до прихода России в Туркестан среднеазиатские ханы относились отрицательно к признанию турецкого султана халифом всех «правоверных» планеты – они не хотели делить с ним власть над подданными, а, тем более, подчиняться ему. Так, в 1780-х гг. бухарский правитель Сейид Шах-Мурад Бохадыр-хан присвоил себе титул: «амир эль-муменин» («повелитель правоверных»). В начале XIX в. его примеру последовал кокандский правитель Алим-хан. Не остался в долгу и хивинский хан. Понятно, что это неприятно отразилось на претензиях турецких султанов быть халифами мусульман Туркестана.

Антиросийская деятельность турецкой агентуры в регионе началась после того, как в 1830-х гг. царское правительство стало устраивать форты на северо-восточном побережье Каспийского моря. Напуганные столь опасной стратегией России, власти Османской империи в начале 1840-х гг. направили в Туркестан трех агентов из числа турецких офицеров-накшбендийцев⁶. Старшим в «команде» был Кутлуг-хаджи, ему помогали Мухаммед-Шериф и Юсуф-ишан. Поскольку русские форты появились на полуострове Мангышлак, то и турецкие «миссионеры» обосновались здесь же. Условия для «работы» были благоприятными – на полуострове насчитывалось 363 «святых» могилы одних только учеников Ходжа Ахмеда Яссави, проповедовавшего ислам среди кочевников Туркестана в XII в. Кроме них были мазары накшбендийцев, и даже «святых» выходцев из Персии – Масат-Ата и Данишменда⁷. Со временем турецкая агентура пополнялась за счет новых эмиссаров, привозивших деньги для подкупа кочевников полуострова, оружие и боеприпасы, поэтому деятельность турок разворачивалась уже именно во второй половине XIX в. Их контакты с аборигенами происходили, как правило, у тех или иных «святых мест», где всегда пребывало немало паломников. На Мангышлаке кочевали казахи («адаевцы») и туркмены. Настроить «адаевцев» против России было несложно – в 1836–1838 гг. в Казахстане было антирусское, восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, а в 1840-х гг. против России восстал казахский султан Кенесары Касымов, одновременно жестоко избивавший кыргызов, которыми и был убит в 1847 г. Именно турецкая агентура организовала в 1870 г. антиросийское выступление казахов

⁵ См.: Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.). Ф. 1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора). Оп. 29. Д. 23. Л. 10об-11.

⁶ Накшбендия – мусульманский суфийский орден (братство), названный в честь бухарского «святого» Бахаэтдина Накшбанда (1318–1389). Имел значительное распространение и влияние в Турции. – Прим. авт.

⁷ См.: Басилов, Кармашева 1997. С. 41.

на Мангышлаке; его лидеры были, однако, прощены царским правительством, а в 1873 г. приняли активное участие в Хивинском походе туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Османской агентуре удалось завоевать доверие и туркмен, напоминая им о том, что они являются близкими «сородичами» турок. Кутлуг-хаджи был даже объявлен «Каракум-ишаном». После смерти, он и его товарищи по «команде» были признаны «святыми», а их могилы превратились в объекты паломничества. Звание «Каракум-ишана» стало наследственным, и в 1916 г. туркестанская «охранка» арестовала правнука Кутлуг-хаджи в этом статусе – Идрис-хан Максума, открыто призывавшего мусульман собирать деньги в фонд Турции и Германии, воюющих вместе против «неверных» русских⁸.

Деятельность турецкой агентуры на Мангышлаке была в значительной мере пресечена учреждением в 1874 г. Закаспийского военного отдела⁹. Русские военные, отлавливая у «святых мест» полуострова турецких агентов, как правило, выдворяли их без права появления здесь вновь. Однако турецкие шпионы возвращались в неподвластные пока еще России районы Туркмении, орудуя так же у «святых мест». Признано, что турецкие «советники» безуспешно помогали туркменам сопротивляться войскам генерала М.Д. Скобелева, присоединившим Закаспийский регион целиком к России в 1880–1881 гг. В мае 1881 г. была учреждена Закаспийская область¹⁰. Военная разведка вскоре установила «святые места», бывшие центрами деятельности турецких агентов, и изгнала многих османских «миссионеров» за пределы России. Как ни странно, но русским властям помогали в этом деле сами туркмены. Так, например, в 1883 г. старейшина иолотанских туркмен Сарыхан арестовал прибывшего к нему с проповедью «газавата» («священной войны») против русских турецкого агента – ишана Мансура. Позже выяснилось, что последнего, по заданию турецких спецслужб, выкупил у туркмена за 3 тыс. тенег бухарский еврей Исмаил. После этого ишан исчез, о чем туркестанскому генерал-губернатору М.Г. Черняеву сообщил 8 сентября 1883 г. лично бухарский Музаффар¹¹.

Понятно, что это не остановило турецких шпионов, которые продолжали проникать в Русский Туркестан. Примеров тому немало, но приведем один. С начала 1890 г. начальником Закаспийской области стал генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин (1890–1897), участник присоединения Туркмении. Он прекрасно понимал политическое значение

⁸ См.: ЦГА Узб. Ф. Р-2287 (Личный фонд Савицкого А.П.). Оп. 1. Д. 466. Л. 71-72об.

⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 49. Отд. 1. Собр. 2. СПб., 1876. № 53233. С. 338-339.

¹⁰ ПСЗРИ. Т. 1. Собр. 3. СПб., 1885. № 142. С. 66

¹¹ См.: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 29. Д. 702. Л. 14

«святых мест» ислама на фоне нараставшего в мире панисламистского и пантюркистского движения. Куропаткин приказал начальникам уездов и приставам области усилить контроль за мусульманским паломничеством и ограничить его определенными днями почитания могил «праведников». Так, например, при учреждении «святой» могилы Хасан-ишана в местности Сумбар, Куропаткин поставил местным мусульманам условие – совершать паломничество к гробнице только в годовщину смерти «праведника» и не допускать к нему «неблагонадежных» иностранцев¹². Поскольку в такие дни у «святых мест» присутствовали русские приставы, то турецкой агентуре стало трудно работать. Однако, после того как Куропаткин стал военным министром, его преемники ослабили наблюдение за «святыми местами» в области, вследствие чего здесь снова стала плодиться турецкая агентура. Уже летом 1898 г. начальник Мангышлакского уезда, подполковник Данилович арестовал 4-х турецких шпионов, которые переезжали от одного «святого места» к другому, выдавая себя за уроженцев Мекки и пропагандируя сбор средств в пользу Турции. При этом они собирали не только деньги, но и скот – от мелкого до крупного рогатого. Все это было у них конфисковано, а сами шпионы отправлены в тюрьму¹³.

Понятно, что османские агенты осуществляли подрывную антирусскую деятельность не только в Закаспийском регионе, но и на территории всего Русского Туркестана. В 1868 г. турецкие «советники» агитировали мусульман у «святых мест» идти на помощь войскам бухарского эмира Музаффера, пытавшимся отбить у русских Самарканд. Безуспешно. В 1872 г. мусульмане Ходжента выступили против кампании по оспопрививанию. Хотя конфликт был вскоре разрешен проведением разъяснительной работы, тем не менее, турецкие агенты сумели использовать административные огрехи русских для «подогрева» ситуации. И в последующем они придерживались такой же «методы».

Османская агентура принимала деятельное участие в Кокандском восстании 1873–1875 гг., приведшем к полному разрушению одноименного ханства. На его землях в феврале 1876 г. была образована Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства (края)¹⁴. В том же году турки инспирировали движение т.н. «джетым-ханов» («лжеханов»), которые объявляли себя потомками кокандских правителей и претендентами на престол. Они действовали у «святых мест», поскольку нигде более не могли собрать «благодарную» аудиторию. Движение «лжеханов» было быстро подавлено, причем одного из них

¹² См.: Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГА Тур.). Ф. 1. (Канцелярия начальника Закаспийской области). Оп. 2. Д. 2809. Л. 1-3об.

¹³ См.: ЦГА Тур. Ф.1. Оп. 2. Д. 2732. Л. 10-10об.

¹⁴ См.: ПСЗРИ. Т. 51. Отд. 1. Собр. 2. СПб., 1878. № 55593. С. 139; см. также: там же. № 55594. № 55594. С. 139-140

поймал лично первый военный губернатор Ферганской области, генерал-майор М.Д. Скобелев, о чем он 5 октября 1876 г. рапортовал генерал-губернатору фон Кауфману¹⁵. Подействовали и строгие меры. Так, в 1876 г. были оштрафованы жители трех кишлаков Ферганской области, собиравшиеся у «святых мест», чтобы послушать турецкого шпиона Абдул-Керим-бека, призывавшего к «газавату» («священной войне») против русской власти. Три кишлачных аксакала (сельские старшины) были преданы суду за то, что вовремя не сообщили администрации о появлении турецкого агента у «святых мест»¹⁶. Оперативность действий против «джетым-ханов» и турецких агентов объяснялась тем, что в Русском Туркестане всем управляли военные власти, подчинявшиеся военному министерству, а не МВД, как все прочие края.

В ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. османские шпионы в Туркестане пытались поднять восстания в разных местах края, привычно действуя у «святых мест». Но результаты были незначительными. Более успешно турецкие агенты действовали после печальных для них итогов указанной войны. Им удалось устроить новую волну движения «джетым-ханов» в Русском Туркестане, причем, преимущественно в недавно образованной Ферганской области. С начала 1880-х гг. в разных местах края начались волнения, организованные турками. Первое время военные власти успокаивали их мирными средствами, но вскоре потребовалось применение войск. В конце 1883 г., в Турук-Наукатской волости, Ошского уезда, Ферганской области у «святого места» – мазара «Ходжа-Калян» появился некий мусульманский проповедник, объявлявший себя ишаном и «диваной» (блаженным). В начале 1884 г. начальник Ошского уезда, капитан Томич в рапорте военному губернатору Ферганской области, генерал-майору В. Медынскому сообщал: «проповедник» призывает паломников к «газавату» против русских, славит турецкого султана и раздает им листовки с угрозами в адрес тех, «которые будут верить кафирам»¹⁷. Медынский доложил об этом генерал-губернатору Черняеву, и тот приказал немедленно задержать «проповедника», но на сторону диваны» встали кыргызы-мюриды (послушники). К делу привлекли взвод солдат из Ошского линейного батальона. Завидев их, кыргызы в страхе разбежались, сдав «ишана» без боя. На допросе он показал, что носит имя Мулла Сейид-хальфа, обучался в Турции и был направлен её разведкой в Туркестан для возбуждения местных мусульман к «священной войне» против русских. После кратковременной «отсидки», турецкий агент был выдворен из края с запретом появляться вновь на его территории.

¹⁵ См.: Отдел рукописей Национальной библиотеки РФ (СПб.). Ф. 874 (Архив Шубинского С.Н.). Оп. 2. Д. 140. Л. 7

¹⁶ См.: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 29. Д. 189. Л. 1-2об, 4, 6об и др.

¹⁷ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 22. Д. 598. Л. 12-12об

Большие надежды турецкие агенты возлагали на «джетым-хана» Дервиш-хана-тюрю. Он объявил себя прямым наследником кокандских ханов и призывал людей к «газавату» против русских с целью восстановления независимости Кокандского ханства, обещая помощь в этом деле со стороны Османской империи. Лжехан объезжал «святые места», агитировал паломников, вручая им «Воззвание Мухаммеда к священной войне с неверными»¹⁸. Но выступление Дервиш-хан-тюри сорвалось в самом начале: в ночь с 16 на 17 августа 1885 г. он был схвачен с помощью прорусски настроенных кыргызов, причем именно у «святого» мазара. Сформированные им шайки мусульманских фанатиков были разогнаны отрядом капитана Брянова. Многие участники мятежа были арестованы и отданы под суд. Следствие длилось четыре года (до августа 1889 г.), 15 человек были приговорены к лишению всех прав состояния и смертной казни, но никто не был казнен – Правительствующий Сенат их помиловал, снизив наказание до лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь¹⁹. Было бы, однако, ошибочным считать, что движение «джетым-ханов» в Туркестане было безуспешным и провальным для турецкой агентуры. Видный советский историк национально-освободительного движения в Средней Азии А.В. Пясковский отмечал, что в течение 1876–1916 гг. только в Ферганской области было около 600 выступлений, возглавляемых «джетым-ханами»²⁰.

Турецкая агентура использовала в своих корыстных целях холерную эпидемию 1892 г. в ташкентском регионе. Действуя в интересах спасения людей от смертельной угрозы, военные власти приняли серьезные санитарно-гигиенические меры (хлорную известь и проч.) и запретили скопления людей в мечетях, на похоронах и у «святых мест». Но турецкие агенты и их приспешники из числа местного исламского духовенства стали утверждать, что все мусульмане, напротив, должны идти к могилам «святых» и просить у них спасения от болезни. В истории Русского Туркестана уже был такой прецедент. В 1872 г., во время холерной эпидемии в Ташкенте, протурецки настроенное духовенство предлагало русским властям сгонять людей в мечети и разрешить ритуальные шествия к «святым местам». Но военные власти края, понимая последствия больших скоплений людей во время эпидемии, отказали, хотя и «не запретили мусульманам молиться в мечетях»²¹. В 1892 г.

¹⁸ Архив С-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Ф. 33 (Кун А.Л.). Оп. 1. Д. 186. Л. 2.

¹⁹ Но сам приговор вступил в силу лишь после того, как император Александр III надписал на докладе министра юстиции по этому делу: «Утверждаю. 9 января 1891 года». См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 521. Д. 434. Л. 1.

²⁰ Пясковский А.В. 1958. С. 44.

²¹ Россель Ю. 1878. С.142

запретительные меры были жестче, и потому турки надеялись на «пожар» народного недовольства. Однако передовая часть ташкентских мусульман, понимавшая опасность эпидемии и гуманную суть санитарно-гигиенических мер, выступила на стороне русской власти. Делегация исламских лидеров города во главе с шейхом накшбендийского ордена 80-летним Абул-Касим-ханом посетила 30 июня 1892 г. туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского и вручила ему документ, поддерживавший мероприятия администрации и изобличавший врагов России²². В итоге, в Ташкенте случился только кратковременный бунт, а не ширококомасштабное восстание, которого ожидали турки.

Наибольший резонанс действия турецкой агентуры получили во время Андиганского восстания, начавшегося с того, что в мае 1898 г. группа мусульманских фанатиков вырезала спящих в казарме русских солдат: жертвами оказались 21 убитых и 14 тяжелораненых «нижних чинов». Позже волны восстания прокатились по Ферганской долине, но были пресечены оперативными действиями военных властей края. Об Андиганском бунте мусульман написано достаточно много, и вряд ли есть нужда обращаться к его подробностям.

Вернемся к теме исследования. Как и в большинстве случаев, кадры мусульманских «инсургентов» вербовались у «святых мест» из числа паломников. К такой практике прибег вождь андиганских изуверов Мухаммед-Али, прозванный в народе «Дукчи-ишаном» («ишаном-веретенщиком»). Он совершил хадж в Мекку, а на обратном пути задержался в Стамбуле, где проходил, видимо, специальное обучение в органах турецкой разведки. Известно, что перед восстанием его дважды посещал турецкий эмиссар, уроженец Средней Азии Хаджи Абду-Джалиль Мир-Салык Кариев, доставивший «Дукчи-ишану» подарки от самого султана – священный волос из бороды Пророка, грамоту и халат с «царственного» плеча. Военный прокурор Туркестанского военно-окружного суда, генерал-майор Долинский в рапорте от 21 августа 1898 г. писал о том, что Абду-Джалиль «в молодости отправился в Мекку, а потом много лет жил в Константинополе»²³. Он отмечал, что за неделю до мятежа турецкий посланец вручил Мухаммеду-Али новые султанские дары – золотое кольцо и зеленое знамя «газавата». Таким образом, турецкий «след» в андиганском мятеже 1898 г. более чем очевиден. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской справедливо замечал 5 августа 1898 г. в рапорте военному министру А.Н. Куропаткину, что главной причиной Андиганского бунта «явилось вмешательство внешних антирусских сил»²⁴.

²² Туркестанские ведомости. 1892. № 27, 7 июля

²³ РГИА. Ф. 565 (Департамент государственного казначейства). Оп. 1. Д. 3193. Л. 43об.

²⁴ Т-ов С. 1908. С. 664.

Андижанское восстание 1898 г. еще раз подтвердило, что нельзя оставлять без постоянного надзора «святые места» в Туркестане, всегда выступавшие центрами подготовки антирусских бунтов. Военные власти Туркестана не раз обращались по этому поводу в Петербург, указывая на недостаток участковых полицейских приставов, которые могли бы обеспечивать такой надзор, но им отказывали, ссылаясь на отсутствие средств. Неудивительно, что после андижанской «встряски» правительство нашло их и учредило в Туркестанском крае сразу 32 новых должности участковых приставов. Естественно, турецкой агентуре стало намного труднее вести свою подрывную деятельность. В частности, именно участковые приставы поймали в 1899 г. в Мерве вышеупомянутого турецкого шпиона Абду-Джалиля и препроводили его в Ташкент²⁵. В 1899 г. в Туркестанском военном округе были образованы два армейских корпуса, разведка которых повсеместно отслеживала действия турецкой агентуры. В 1903 г. в штабе округа было открыто VI (контрразведывательное) отделение, выявлявшее шпионов. В конце 1907 г. в Русском Туркестане были учреждены органы «охранки», занимавшейся, как известно, и контрразведкой. Казалось бы, турецкая агентура была «обложена» со всех сторон и должна была свернуть свою деятельность в регионе, но это не так. На волне растущих панисламистских настроений в Средней Азии в начале XX в., турецким спецслужбам удалось придать им и пантюркистский характер. Агенты Османской империи, действуя в основном у «святых мест» Туркестана, спровоцировали восстание 1916 г. в Туркестане, которое стало «ударом в спину» России, сражавшейся на фронтах Первой мировой войны.

Факты свидетельствуют о том, что на всем протяжении своего развития русско-турецкие отношения отличались напряженностью, нередко разрешавшейся открытыми военными конфликтами. На проникновение России в Туркестан в середине XIX в. правящие круги Османской империи отреагировали засылкой своих агентов в Прикаспийский регион. Присоединение Средней Азии к России в 1860-х гг. усилило антироссийскую направленность политики Турции. Численность турецких агентов в Русском Туркестане возросла. Османская агентура осуществляла свою подрывную деятельность, как правило, у «святых мест» ислама в Средней Азии, поскольку именно у них собирались значительные массы паломников-мусульман. Фактически все антирусские бунты в регионе «вырастали» у могил исламских «праведников». Несмотря на серьезные меры противодействия, царским властям Туркестана так и не удалось вырвать с корнем турецкую агентуру из государственной и общественно-политической жизни края и свести на нет всю её подрывную деятельность.

²⁵ ЦГА Узб. Ф. 19 (Ферганское областное правление). Оп. 1. Д. 5632. Л. 1-2об и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931.
- Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х.* Ислам у казахов. М.: Наука, 1997.
- Евдокимов Л.В.* Панисламизм и пантюркизм // Военный сборник. 1911, декабрь.
- Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
- Османская империя... // Новая история стран Азии (вторая половина XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 85-166.*
- Пясковский А.В.* Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. М., 1958.
- Россель Ю.* Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. // Вестник Европы. 1878. Т. XIII. Кн.7, июль.
- Сабитов Н.* Панисламизм и пантюркизм на службе империалистической реакции // Вестник АН Казахской ССР. 1951. № 11. С 37-45.
- Т-ов С.* Андijanское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908, май.
- Хвостов В.М.* Дипломатия в Новое время // История дипломатии / Сост. А. Лактионов. М., 2006. С. 577-818.

REFERENCES

- Arsharuni A., Gabidullin Kh. Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii. M.: Bezbozhnik, 1931.
- Basilov V.N., Karmysheva Dzh.Kh. Islam u kazakhov. M.: Nauka, 1997.
- Evdokimov L.V. Panislamizm i pantyurkizm // Voennyi sbornik. 1911, dekabr'.
- Litvinov V.P. Religioznoe palomnichestvo: regional'nyi aspekt (na primere Turkestana epokhi srednevekov'ya i novogo vremeni). Elets: EGU im. I.A. Bunina, 2006.
- Osmanskaya imperiya... // Novaya istoriya stran Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh vv. M., 1995. S. 85-166.
- Pyaskovskii A.V. Revolyutsiya 1905–1907 gg. v Turkestane. M., 1958.
- Rossel' Yu. Sredneaziatskaya kul'tura i nasha politika na Vostoке. // Vestnik Evro-py. 1878. T. XIII. Kn.7, iyul'.
- Sabitov N. Panislamizm i pantyurkizm na sluzhbe imperialisticheskoi reaktсии // Vestnik AN Kazakhskoi SSR. 1951. № 11. S 37-45.
- T-ov S. Andizhanskoe vosstanie i ego prichiny // Istoricheskii vestnik. 1908, mai.
- Khvostov V.M. Diplomatiya v Novoe vremya // Istoriya diplomatii / Sost. A. Laktio-nov. M., 2006. S. 577-818.
- Литвинов Владимир Петрович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. E-mail: vladlenli@yandex.ru

Regional pilgrimage of Muslims of Russian Turkestan: little-known pages

The article deals with an unstudied problem: the use by the Turkish intelligence of “holy places” of Central Asia Muslims to conduct anti-Russian propaganda. The penetration of Russia into Turkestan in the mid-19th century caused fear among the ruling circles of the Ottoman Empire, which reacted to this by sending agents to the Caspian region. Ottoman agents carried out their subversive activities, as a rule, at “holy places” of Islam in Central Asia, because large numbers of Muslim pilgrims gathered there – a gracious audience to assimilate the ideas of pan-Islamism and pan-Turkism. In fact, all anti-Russian riots in the region “grew” at the graves of Islamic “righteous men”.

Keywords: Turkestan, “sacred places”, muslims, turkish secret service, the antirussian propagation, military authorities, Pan-Islamism, Pan-Turkism

Vladimir Litvinov, PhD (History), senior lecturer of faculty of historical and cultural heritage, Elets State University named after I.A. Bunin; vladlenli@yandex.ru